



**Читайте в серии  
«Молодежное российское фэнтези»:**

Алекс Джун «**Спи, Алиса**»

Дельта Корнер «**Убийца Королей**»

Кайса Локин «**Сумеречный сказ**»

Екатерина Соловьева «**Избранник смерти**»

Елена Добрынина «**Эмма Дженкинс**»

Натали Рок «**Кровь и клятва**»

Валентина Колесникова «**Пленница льда**»

София Баюн «**Механические птицы не поют**»

Анна Катнер «**Пленница пророчества**»

Анна Безбрежная «**Амулет ведьмы**»

Анна Жнец «**Дракон из сумрака**»

Кейлет Рель «**Сердце ведьмы**»

Алёна Ершова «**Чертополох и золотая пряжа**»

Саша Урбан «**Алая Топь**»

Екатерина Соловьева «**Князь Штормовых земель**»

Ольга Кобцева «**Внутри неё тьма**»

Ева Вишнева «**По ту сторону огня**»



ЕВА ВИШНЕВА

ПО ТУ  
СТОРОНУ  
ОГНЯ

Freedom

Москва  
2025



УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
В55

Иллюстрация на обложке  
*LEVELVIOLET*

Художественное оформление  
*Миланы Корягиной*

**Вишнева, Ева.**  
В55 По ту сторону огня / Ева Вишнева. — Москва :  
Эксмо, 2025. — 448 с. — (Young Adult. Молодежное  
руссийское фэнтэзи).

ISBN 978-5-04-194645-6

В древнем роду Алерт у каждого есть дар. Но семнадцатилетняя Энрике не похожа на свою семью: она не замораживает реки, как мать, не умеет возводить сады и видеть будущее, как сестры, и разговаривать с животными, как отец. Пустая, недостойная любви...

Желая обрести дар, Энрике отправляется в столицу к дяде, с которым семья разорвала все связи. Он известный ученый — и, кажется, может помочь племяннице. Но для этого нужно согласиться на опасный эксперимент.

Вместе с переменами в ее жизнь врывается незнакомец из снов сестры-ясновидящей и завладевает мыслями и сердцем девушки. Однако приносит он не только первую влюбленность, но и опасность, которая грозит разрушить жизнь Энрике...

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194645-6

© Ева Вишнева, 2024  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2025

## Глава 1

# ПРОЩАНИЕ

Во сне я была зверем, искавшим теплую пещеру, чтобы пережить в ней холода. Под лапами хрустел тонкий лед, из пасти вырывался пар. Я натыкалась на норы, прикрытые еловыми ветвями или настилом из грязно-серого снега, но они оказывались слишком узкими. Я находила пещеры, но из уютной темноты шипели и гавкали: «Тебе здесь не место. Уходи, уходи, уходи!» Когда холод сковал тело и сил не осталось, я заползла под ворох сухих веток, прижалась к стволу поваленного дерева, закрыла глаза и стала ждать весны.

— Энрике, пора вставать, — позвали издалека.

Поздно, слишком поздно. Я притянула колени к груди, пытаюсь сохранить ускользящее тепло.

— Энрике, вставайте, пожалуйста, иначе останетесь без завтрака. Ваша мама рассердится.

Мама рассердится?.. Нет, она просто подождет губы и отвернется, будто не хочет меня видеть.

— Энрике...

— Встаю, встаю.

Все же не хотелось сердить маму в утро перед долгой разлукой. Я опустила ноги на холодный пол, оставив в прерванном сне осенний лес, чуткий нос и пещеры, ни в одну из которых меня не пустили.

— Вы встали? Тогда я пойду...

Удаляющиеся шаги помощницы по хозяйству грохотали, нарушая тишину вокруг. Не успела я подарить ей новые туфли. так и ходит в старых. совсем разно-

шенных. Мои туфли не краше. Я окинула взглядом обувь и серое дорожное платье, висевшее на ручке шкафа. Грубая ткань будет колоться, натирать. Дюжина мелких пуговиц, тугие петли.

Я застегивала их, стоя у окна. Туман стелился по земле, тек по саду, размазывал очертания деревьев, делая их похожими на призраков. Осень в Алерте сырая, сумеречная, бедная на краски.

Помню случай из детства: я посмотрела в окно и увидела лишь густой волокнистый туман. В любимой «Большой книге легенд», которую мне подарили на шестилетие, была одна история. Про страшных существ, которые живут в тумане и путают дороги. Человек, вышедший из дома в такую погоду, рискует навсегда потеряться.

В то далекое утро папа уезжал по делам. Я плакала, пыталась отговорить его, но папа лишь смеялся. Когда за ним закрылась дверь, мама сказала строго: «Энрике, что за концерт ты устроила? В начале осени всегда такая погода. Веди себя прилично». Я убежала в свою комнату, закуталась в одеяло и спряталась под кровать. Старушка Илая выманила меня сладким печеньем, обняла и успокоила: «Что ты, милая, я о таком ничегошеньки не слышала. Туман — это лишь дыхание богини Отоны. Она дышит надрывно и вот-вот заплачет. Отона хоронит любимого брата — летнего мальчика, зеленоглазого Этта. И грустит, потому что умрет прежде, чем он успеет переродиться».

Илая была моей нянюшкой. Она рано обзавелась морщинами, сторбилась. Только руки остались гладкими, с нежной кожей. Это было странно, ведь Илая много работала по дому, шила, убирала комнаты, возилась со мной, с моим старшим братом Рейнаром и младшей сестрой Лилией.

Она умерла, когда мне было семь лет, в один из таких же туманных осенних дней. А в начале весны у меня родилась вторая сестра. Я молилась, чтобы ее назвали Илаей. Это было бы честно, ведь старушка так ждала ее, мечтала подержать на руках.

Няня до последнего дня верила, что доживет. Я помню, как держалась, чтобы не заплакать, когда мы, дети, под руки выводили Илаю в сад. К тому времени она уже ослепла, и приходилось каждый раз подсказывать, где ступенька, плавная дуга моста через ручей, лавка. Мы стелили одеяла, чтобы ей было теплее, сидели рядом, развлекали: читали книги, делились новостями из своей детской жизни, играли.

Порой Илае казалось, что ребенок уже родился, и она пела колыбельные, двигая ногой так, словно качает кроватку. В такие моменты нянюшка выглядела счастливой, и мы не осмеливались открыть ей правду.

Но вторую мою сестренку назвали Вэйной...

Раздался стук.

— Мила, извини, сейчас выйду, — крикнула я помощнице, стряхивая задумчивость.

Скрипнула, открываясь, дверь.

— Мила, я же сказала, я сейчас...

Но в комнату вошла не помощница, а Лилия, моя сестра. Подбоченилась, заправила за ухо светлую прядь.

— Мы должны были позавтракать вместе. Полчаса назад. Ты ошиблась, полагая, будто мы будем ждать тебя над остывшими тарелками. Мама просит передать, что ты можешь не торопиться, завтрак завернем и положим в карету, съешь по дороге, — Лилия окинула меня недовольным взглядом. — Знаешь, Энрике, хорошо, что ты уезжаешь.

С этими словами она вышла из комнаты.

— Радуйся, что «кукушонок» покидает гнездо? — крикнула я вдогонку.

Характером Лилия пошла в маму, такая же упрямая и строгая. Придирается по мелочам. В детстве много жаловалась, размазывала слезы по щекам: «Энрике меня толкнула, она нарочно!» Меня — в угол, сестру — на руки. Подруги, в окружении которых мама пряталась от одиночества, принимались ворковать, жалели «милую крошку Лили», дарили ей наряды и заколки.

Красота Лилии — тоже мамина. Сестра белокурая, голубоглазая. Талантливая: пишет стихи, играет на фортепиано, плетет венки из цветов и листьев. Лилия на два года младше меня, ей пятнадцать, почти все юноши нашего края делают ей дорогие подарки и пишут длинные письма.

Есть среди ее ухажеров один, беловолосый и черноглазый. Ричард. Моя тайная любовь.

Позапрошлым летом Ричарда по долгу службы занесло в наши северные края. Он приехал издалека, из солнечного города на южной границе страны. Привез орехи, гранаты, сливы и странный фрукт, похожий на сердце.

Ричард заблудился в нашем саду и случайно забрел в мое тайное место под плакучей ивой, склонившейся над ручьем. Тогда ива болела, с одной стороны покров листьев пожелтел и истончился. Ричард раздвинул ветви-косички, и его лицо озарилось такой радостью, будто он всю жизнь меня искал.

— Ох, как я рад, что нашел вас. Вы ведь горничная? Подскажите, пожалуйста, как выйти на тропу, ведущую к замку?

Я молча смотрела на него, и сердце частило. В тот момент мне показалось, что на свете не сыскать чело-

века красивее. Загорелая кожа, высокий рост, широкие плечи — Ричард так отличался от бледнокожих и тонкокостных северян.

— Не стоит пугаться, я пришел к молодой хозяйке, к Лилии...

В груди затянулся тугой узел. Я не смогла и слова выдать, просто взяла Ричарда за руку и повела к замку. Пока шли, он рассказывал о далеком доме, о дорогом друге, к которому порой заезжает в гости. О том, как познакомился с Лилией в городском парке у подножия холма. «Нужно признаться, что мы сестры, — думала я, — рассказать Ричарду, какая Лилия на самом деле. Водить его кругами, улыбаться и флиртовать так, чтобы, когда доберемся до замка, он о Лилии и не вспомнил». Но мне не хватило смелости. У ворот Ричард поблагодарил, я молча ушла. Потом целый день была сама не своя, плакала и думала о том, что никогда не прощу себе эту робость.

Впрочем, мне представился шанс поправить положение: Ричард приехал в гости еще раз, затем повторил визит, а после и вовсе зачастил. До самого отъезда он навещал нас регулярно, каждую неделю.

Я сделала все, чтобы обратить на себя внимание Ричарда, но добилась лишь дружбы. Мы часами гуляли по окрестностям, обсуждали литературу и музыку, делились воспоминаниями. Однажды мы даже забрались на дерево, устроились на крепкой широкой ветке, словно две птицы. С холма, где стояло то дерево, открывался чудесный вид на долину и на красное заходящее солнце.

Время, когда мы оставались наедине, было прекрасным, но стоило Лилии появиться на горизонте, все стремительно менялось. Ричард будто переставал меня замечать, отдавал сестре все внимание. Смотрел на нее

так, как никогда не смотрел на меня. Чувство беспомощности накрывало с головой, я кусала губы, лишь бы не закричать: «Разве не видишь, ты ей не интересен!» И это было правдой: Лилия, совершенно не стесняясь, играла чувствами, забавлялась. Притворялась, будто ее нет дома, когда Ричард приходил в гости. Или объявляла, что очень занята, заставляла часами ждать. Могла бросить резкую, пренебрежительную фразу.

Она и слезинки не проронила, когда Ричарду пришлось уехать. А вот я...

Закончив застегивать пуговички дорожного плаща, я отошла от окна. Воспоминания о Ричарде теснились в голове, не давали покоя. Стоит мне уехать, и тонкая ниточка, связывающая нас, разорвется. Но если я останусь...

Я больше не могла считать домом место, в котором жила. Старинный замок на вершине холма издали казался красивым. Но вблизи видно, что время осело копотью на стенах, трещинами легло на камни, травой проросло на развалинах крепостной стены. Несколько веков назад, когда страна была разделена на княжества, наш род, Алерт, правил этими землями, а маленький одноименный город у подножия холма считался столицей. В те времена в замке располагались гарнизон, склады, конюшни, штат прислуги.

Теперь от былой роскоши и следа не осталось, а наша древняя кровь и титул едва ли воспринимаются кем-то всерьез. Замок сочится холодом, даже летом приходится кутаться в свитера и спать под теплыми одеялами. Много запертых дверей: маленькой семье ни к чему огромные пространства, и нет денег на то, чтобы поддерживать залы и анфилады в приличном состоянии.

В замке я постоянно чувствовала себя одиноко. И все же мне не хотелось уезжать.

Из-за Ричарда.

Почту обычно разносили по субботам, рано утром. Я привыкла вставать в эти дни ни свет ни заря, спускаться к воротам и караулить почтальона. Забирала конверты в гостиную, искала среди них тот, что с солнцем на марке, подписан аккуратным почерком. В своей комнате, предварительно заперев дверь, распечатывала трясущимися руками.

Знала бы Лилия, что я бессовестно воровала ее письма! Ричард присылал весточку раз в месяц, делился новостями, смешными и трогательными случаями из жизни. Последний раз осматривая комнату, проверяя, что могла забыть, я думала: «Ты не отвечаешь ему, Лили, но молчание Ричарда не смущает. Это ли не любовь?.. Если бы так любили меня, я была бы самым счастливым человеком на свете. Но на листах, исписанных его рукой, только “Лилия”, “Лилия”, “Лилия”... У меня уже девять писем, и очень хочется прочесть десятое, но, когда оно придет, я буду далеко от дома. Ты, наверное, удивисься, получив его».

Еще не хотелось уезжать из-за воспоминаний о нянюшке Илае. Время постепенно стирало черты ее лица из моей памяти, и я боялась, что, проснувшись однажды, не смогу вспомнить, как она выглядела. От Илаи я унаследовала любовь к мифам и преданиям; перечитывая «Большую книгу легенд», я воображала, будто это нянюшка рассказывает мне истории. Теперь книга лежала на дне чемодана. В следующий раз я открою ее уже в столице.

Закончив собираться, я спустилась по лестнице, ежась от утреннего холода, погруженная в мысли. Родители ждали в гостиной, тихо разговаривали. Их голоса смолкли, едва я переступила порог. Повисла

неуютная пауза. Мила взглянула с жалостью, убирая со стола пустые тарелки.

— Я хочу попрощаться с Вэйной, — объявила я.

Вэйна была третьей причиной, по которой мне не хотелось покидать дом.

— Она спит. Не нужно ее будить.

Мама, наверное, была права: самая младшая сестра, Вэйна, едва выздоровела после затяжной болезни с сильным жаром, кашлем и приступами. Сон у Вэйны чуткий: не ровен час, под моей ногой скрипнет иссохшая доска, сестра проснется и заснуть больше не сможет. И все же я не представляла, как могу уехать, не взглянув на нее напоследок.

— Ладно, Агата, пусть прощается, — папа махнул рукой. Мама недовольно поджала губы, но возражать не стала.

Я тихонько прокралась в комнату Вэйны. Маленькая сестра спала, вжавшись лицом в подушку. Она была похожа на Лилию: пшеничные кудри, большие голубые глаза, покатые плечи, изящные руки. Вырастет сестренка, и к ней тоже выстроится очередь из женихов. В отличие от Лилии, характер у Вэйны покладистый, сердце доброе. Через полгода ей исполнится десять — первый в жизни юбилей. Я постараюсь приехать. Куплю в подарок самое красивое платье, денег не пожалею.

Вэйна с рождения ничего не слышит и всегда молчит. Иногда она видит будущее. Это один из даров, которым боги наделили род Алертов. Наш род.

...Но мой ли?

«Не знаешь, кукушонок?» — мысль звенит голосом Лилии. Порой мне кажется, что и сам замок задается этим вопросом: я слышу его в шуршании крыс под полом, в гуляющем по трубам гуле, в каждом шорохе

и скрипе, в криках птиц, гнездящихся под крышей. И у меня нет другого ответа, кроме как: «Не знаю».

Я осторожно спустила угол одеяла, погладила Вэйну по руке. А сестренка вдруг задышала часто-часто, распахнула глаза. Подскочила на кровати, прижала руки к груди, согнулась пополам. Правильно мама говорила, не надо было ходить к Вэйне. Я не только ее разбудила, но и испугала так, что у девочки случился приступ.

Что же делать, звать родителей? Потеряю время. Сестра может упасть с кровати или начнет задыхаться, как случилось в прошлый раз, во время болезни. Но тогда доктор был рядом, а теперь...

Я прижала Вэйну к себе, набрала в грудь воздуха.

— Чувствуешь, как я дышу? Повторяй за мной, милая. Давай. Вдох, выдох, вдох...

Сестра дернулась, вскрикнула, и — о, счастье! — задышала. Подняла на меня глаза — в темноте радужки светились зеленью. Словно кошачьи...

Значит, это вовсе не приступ. Сейчас Вэйна видела будущее. Вспышками, приступами, ночными кошмарами или приятными снами — видения всегда приходили по-разному.

Секунды капали. Сестра сидела неподвижно, затем зашарила руками по постели. Я подхватила Вэйну, посадила за письменный стол, положила чистый лист и карандаш. Вэйна потянулась к нему левой рукой. Ей сестра обычно рисовала правду. Прижавшиеся к стене пузатые бочки на заднем дворе, подгнившие, поросшие мхом и мелкими цветами. Натруженные руки отца, латающие собачью будку или пропускающие рыжую шерсть сквозь пальцы. Развалившуюся на ступенях тощую кошку с разодранным ухом. Наш замок с трещинами и облетевшим орнаментом под ок-

нами, со всеми башнями, включая самую страшную, северную.

Все сбывалось: на старой бочке распускались белые звездочки, будка стала протекать, кошка вязалась в драку, не сумев поделить рыбу с ободранными товарками, а цветок, украшавший мое окно, осыпался.

Правой рукой Вэйна рисовала ложь. Точнее, лубочные картинки: сказочные пейзажи и здания, людей в великолепных одеждах, юные лица родителей и друзей.

Кажется, сестра научилась разбираться в карандашах раньше, чем сделала первый шаг, а рисовать — задолго до того, как мы смогли побеседовать друг с другом. Рисунки стали нашим языком. Мы упорно ждали от Вэйны слов, не подозревая, что ее мир безмолвный. После одного из ранних видений сестра стала изображать руки, сложенные лодочкой или сжатые в кулаки с большим пальцем наружу, поднятые на уровень лица или касающиеся груди. Со временем мы поняли, что это значит. И выучили второй язык, жестовый.

Вэйна росла умной девочкой, все схватывала на лету: словно стараясь поскорее стереть границу между нами, она быстро освоила письмо, часами наблюдая за тем, как мы с Лилией пишем дневники или заполняем тетради. Со временем она научилась разбирать по губам некоторые слова, но все равно не могла сама их повторить

В комнате Вэйны не было ничего постоянного: предметы меняли цвета, картинка на стенах, спинке кровати, дверцах шкафа исчезали и появлялись снова, дополнялись деталями, сползали на пол. На бельевых веревках, протянутых под потолком, висели рубашки и платья, на разрисованных спинах, манжетах и воротниках сохла краска.

Мы любили Вэйну и боялись за нее: девочка была слаба, часто простужалась, иногда ни с того ни с сего начинала задыхаться. Слава богам, такие приступы длились недолго.

Карандаш выпал из левой руки Вэйны, покатился по полу. Я подняла его, положила перед сестрой, но она уже закончила рисунок. Зевнула, потерла кулачком заспанные глаза.

— Ну-ка покажи, что получилось, Вэй...

Я зажгла настольную лампу, поднесла листок к глазам.

Портрет незнакомого мужчины. Молодое лицо: тонкие губы, красивый ровный нос, взгляд, кажущийся насмешливым, зачесанные набок волосы, явно темные: карандашные линии яркие, толстые.

«Кто это?» — жестами спросила я.

Вэйна пожала плечами. Затем выхватила рисунок, перевернула, написала на обороте: «Я точно не понимать, но, кажется, с ним быть что-то плохое. Страшно. Если встретить его, обходить десятой дорогой. Не нужно с ним дружить». Я улыбнулась и жестами пообещала: не буду. Вэйна свернула листок, положила в карман моего платья.

Мы обнялись на прощание.

За окнами посветлело. Я отвела сестру обратно в постель, укрыла одеялом, спустилась в гостиную. Папа не повернул головы, мама и Лилия обменялись взглядами.

Мы вышли на улицу, в туманный осенний холод. Холодно попрощались.

